

7. Рязановский В.А. Монгольское право (преимущественно обычное). Исторический очерк / В.А. Рязановский. Харбин: Типография Н.Е. Чинарева, 1931. 352 с.

8. Тобоев Т. Прошлая история хоринских и агинских бурят / пер. Н. Поппе // Бурятские летописи / сост. Ш.Б. Чимитдоржиев, Ц.П. Ванчикова. Улан-Удэ: БИОН СО РАН, 1993. С. 5–35.

УДК 94(47)083

А.А. Савилов

**Законодательство о гласном полицейском надзоре 1880-х годов
и проблемы его применения к политическим ссыльным
Иркутской губернии в начале XX века**

В настоящей статье на основании анализа Положения об охране государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г. и Положения о полицейском надзоре, учрежденного по распоряжению административных властей 12 марта 1882 г., рассмотрены организационные основы осуществления гласного полицейского надзора за политическими ссыльными в Иркутской губернии в начале XX столетия. На основании конкретных практических примеров осуществления гласного полицейского надзора на территории Прибайкалья в начале XX в. автором сделан вывод о существовании упущений в имперском законодательстве, а также о наличии ряда затруднений применения правил указанных выше нормативных актов к политическим ссыльным в Иркутской губернии.

Ключевые слова: политическая преступность, административная ссылка, полицейский надзор, Иркутская губерния.

A.A. Savilov

**Legislation on public police surveillance of the 1880th years
and problems of its application to political exiled the Irkutsk province
at the beginning of the 20th century**

In the article, according to the Regulation on the protection of public order and public tranquility on August 14, 1881 and the

Regulation on policing, established by order of the administrative authorities on March 12, 1882, were analyzed some organizational basis of vowel police supervision over the political exiles in Irkutsk province in the beginning of 20th century. Relying on practical examples of vowel police supervision in Irkutsk province at the beginning of 20th century, the author came to a conclusion that there were some omissions in the Imperial legislation. The author also concluded that there were a number of difficulties in the application of regulations to political exiles in Irkutsk province.

Keywords: political crimes, administrative exile, police supervision, Irkutsk province.

В системе охранительных и карательных мер государства административная ссылка по политическим мотивам играла значительную роль. С конца XIX в. ссылка административным порядком становится одним из важнейших средств борьбы с нарастающим революционным движением.

Иркутская губерния на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. являлась регионом, в котором находился значительный контингент политических ссыльных. С принятием 14 августа 1881 г. Положения об охране государственного порядка и общественного спокойствия в Прибайкалье начали прибывать административно-ссыльные по политическим мотивам, над которыми в регионе устанавливался гласный полицейский надзор.

Цель настоящей статьи: на конкретных примерах показать несостоятельность отдельных положений законодательства о гласном полицейском надзоре и препятствия к его применению в Иркутской губернии начала XX века.

Ссылка в Сибирь привлекала внимание исследователей еще с XIX в. Интерес к административной ссылке по политическим мотивам значительно возрос после революции 1917 г., что было обусловлено появлением доступа к архивным документам карательных органов самодержавия. В первые послереволюционные годы административная ссылка по политическим мотивам в основном была объектом изучения исследователей революционного движения.

Советский период изучения административной ссылки характерен появлением новых подходов к изучению темы. На-

пример, административная ссылка рассматривалась в работах по изучению пенитенциарной политики Российского государства. В этой связи нельзя не отметить труд М.Н. Гернета «История царской тюрьмы», в котором административная ссылка 90-х годов XIX в. рассмотрена в отдельном параграфе третьего тома [1].

Значительный вклад в изучение административной ссылки по политическим мотивам сделан А.Д. Марголисом. В статье «Законодательство об административной ссылке в России конца XIX века» автором подробно изложены основания административной высылки по политическим мотивам, приводятся статистические данные о количестве политических ссыльных в Сибири, а также заключения из докладов царских чиновников, рассматривавших проблемы правового регулирования административной ссылки и ее применения в Сибири [3].

В наши дни интерес к теме политической ссылки во многом привлекает внимание исследователей истории Сибири, поскольку пребывание значительного контингента ссыльных отложило существенный отпечаток на последующее культурное и социальное развитие в регионе. Правовой регламентации института политической ссылки посвящена отдельная глава монографии А.А. Иванова «Историография политической ссылки в Сибирь во второй половине XIX – начале XX века» [2]. В названной главе автором рассмотрены правовые основы и механизм действия административной ссылки в Сибирь по политическим мотивам на основе анализа Положения об охране государственного порядка и общественной безопасности.

Нельзя не обратить внимания на статью С.Н. Токаревой «Полицейский надзор в Российской империи» [6]. В данной статье автором рассматривается понятие полицейского надзора, его классификация на основании законодательства 1880-х годов, приводятся примеры действия отдельных видов полицейского надзора на практике.

Юридическое оформление гласного полицейского надзора связано с принятием Положения об охране государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г. [4] и Положения о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей, от 12 марта 1882 г. [5].

Положение об охране государственного порядка и общественного спокойствия (далее – Положение 1881 г.) было принято как приложение к ст. 1 Устава предупреждения и пресечения преступлений. Данный закон принимался как временная мера, сроком на три года, однако в последующие годы его действие неоднократно продлевалось, и Положение 1881 г. действовало до 1917 г. Именно этим нормативным документом были установлены основания высылки лиц по политическим мотивам в административном порядке.

Положение 1881 г. по своей сущности было направлено на противодействие политической преступности и предупреждение преступлений против государственной власти. Им вводились нормы, существенно расширяющие полномочия местных властей в лице генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников, а высшее направление действий «по охранению государственного порядка и общественного спокойствия» принадлежало министру внутренних дел, который приобрел фактически неограниченные полномочия.

В законе были определены основания административной высылки, субъект, территория, порядок принятия решения о высылке и ответственные органы власти.

В целях обеспечения государственного порядка и общественного спокойствия в любой местности империи могло быть объявлено исключительное положение, которое определялось двух видов: усиленной и чрезвычайной охраны. Критерием введения того или иного вида исключительного положения являлась социально-политическая обстановка в отдельном регионе и степень ее напряженности.

Порядок установления и прекращения положений усиленной и чрезвычайной охраны определялись ст.ст. 7–9 Положения 1881 г. Министр внутренних дел имел право первоначального объявления местности в положении усиленной охраны. Местности, подведомственные генерал-губернаторам, объявлялись в положении усиленной охраны ими же, но с утверждения министра внутренних дел (ст. 7). Министр внутренних дел обязан был при таком объявлении доносить Правительствующему Сенату, а также сделать представление об этом императору через Совет Министров.

Несколько различалась ситуация с положением чрезвычайной охраны. Ст. 9 четко определяет, что оно «вводится не иначе, как высочайше утвержденным положением Совета Министров, по представлению министра внутренних дел» [4, с. 262]. Положение усиленной охраны вводилось сроком на один год, чрезвычайной охраны – на полгода. В случае надобности оно могло быть продлено по представлению министра внутренних дел в Совет Министров. Положения усиленной и чрезвычайной охраны прекращали свое действие тем же порядком, которым были установлены (ст. 11).

Основные обязанности по охранению государственного порядка и общественного спокойствия в местностях, объявленных в положении чрезвычайной и усиленной охраны, возлагались на местную администрацию в лице генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников (ст. 14). Их полномочия значительно расширились, что было подробно описано в ст.ст. 15–20 Положения 1881 г.

Местным властям разрешалось издавать постановления по предметам, относящимся к предупреждению нарушения общественного порядка и государственной безопасности и устанавливать за нарушение таких постановлений взыскания. Они имели право разрешать в административном порядке дела о нарушениях таких постановлений, запрещать любые собрания, делать распоряжения о закрытии торговых или промышленных заведений и запрещать отдельным личностям пребывание в местностях, объявленных в положении усиленной охраны (ст. 16). Для нашего исследования наибольшее значение имеет указание в законе на запрет пребывания отдельным личностям в местностях, объявленных в положении усиленной охраны. В сущности, эта норма является юридическим основанием высылки в административном порядке лиц, «неблагонадежных» в политическом отношении.

Непосредственно порядок применения административной ссылки определялся в статьях 32–36. Ст. 32 определяла территорию и субъекта административной ссылки, а также конкретизировала само понятие этого вида наказания. Административная ссылка, согласно указанной выше правовой норме, являлась безотлучным пребыванием лица, вредного для государственного и общественного спокойствия, в определенной

местности Европейской или Азиатской России с соблюдением особо определенных для этого правил. Таким образом, в качестве территории административной ссылки закон называл какую-либо определенную местность Европейской или Азиатской России, а субъектом ее были лица, «вредные для государственного и общественного спокойствия».

Статьи 33–35 определяли непосредственно механизм принятия решения об административной высылке лиц, «вредных для государственного и общественного спокойствия». Так, в статье 33 значилось, что «подлежащая власть, убедившись в необходимости высылки частного лица, представляет об этом Министру Внутренних Дел, с подробным объяснением оснований к принятию этой меры, а также предположений о сроке высылки» [4, с. 265–266].

Право ходатайства о высылке того или иного лица принадлежало местной администрации. Свое решение они должны были представить министру внутренних дел с подробным объяснением оснований к его принятию, а также предполагаемых сроков высылки. После этого представления об административной высылке рассматривались особым совещанием, образуемом при министре внутренних дел. Председателем на таком совещании мог быть один из товарищей министра, а на самом совещании присутствовали два представителя от Министерства юстиции, и два от Министерства внутренних дел. После рассмотрения вопроса совещанием, его решения утверждались министром внутренних дел. При этом указывается, что во время обсуждения вопроса о высылке, совещанием могут быть истребованы дополнения и разъяснения, а в случае надобности, может быть вызвано предназначенное к высылке лицо.

Административная ссылка назначалась на срок от одного года до пяти лет с обязательством безотлучного пребывания в определенной местности в течение назначенного срока (статья 36). Примечание 1 к ст. 36 указывало, что срок высылки может быть продлен в том же порядке, в каком она была назначена, однако общий срок не мог превышать пяти лет.

Условия пребывания в административной ссылке, изменявшейся на основании Положения от 14 августа 1881 г., определялись Положением о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей, от 12 марта

1882 г. (далее – Положение 1882 г.). Данным законом определялись основы установления гласного полицейского надзора за административно-ссылными по политическим мотивам, механизм действия такого надзора, органы, его осуществляющие и их полномочия, а также права и обязанности ссыльных в местах отбывания наказания и их ответственность за нарушение правил гласного надзора.

В ст. 1 Положения 1882 г. значилось, что «полицейский надзор, как мера предупреждения преступлений против существующего государственного порядка, учреждается над лицами, вредными для общественного спокойствия» [5, с. 84]. Таким образом, закон четко определял, что полицейский надзор являлся в первую очередь мерой превентивной, имеющей своей целью предупреждение преступлений против государственной власти.

Ст. 2 Положения 1882 г. указывала, что полицейский надзор над административно-ссылными учреждается «в силу самого водворения и на срок, для него определенный», то есть является не самостоятельной мерой, а дополнительной, и прекращает свое действие по окончании срока высылки [5, с. 84].

Из вышеизложенного можно заключить, что административная ссылка политически неблагонадежных лиц и установление над ними гласного полицейского надзора составляли единую систему мер, направленных на предупреждение совершения политических преступлений и имели своей целью противодействие революционному движению в России.

В части начала действия надзора закон указывал, что он устанавливается с момента «объявления подлежащему лицу об учреждении над ним надзора, если по сему предмету не последует от власти, уполномоченной на учреждение надзора, особого распоряжения» (ст. 4) [5, с. 84].

У лица, отданного под надзор полиции, отбирались документы, удостоверяющие личность, а взамен выдавалось свидетельство на проживание в назначенной ему местности. Поднадзорный был обязан проживать в назначенном месте, и не имел права отлучки без должного на то разрешения властей.

Временные отлучки поднадзорного из назначенного места жительства предусматривались Положением 1882 г., но при соблюдении особого порядка, который определялся в ст. 8–17.

Отлучки разрешались только по особо уважительным причинам и при одобрительном поведении поднадзорного. В пределах уезда они разрешались местным начальником полиции, в пределах губернии – губернатором, а разрешение на отлучку в другую губернию давалось министром внутренних дел.

В случае получения разрешения на отлучку поднадзорному выдавалось проходное свидетельство и маршрут. В проходном свидетельстве указывались фамилия, имя, отчество и особые приметы лица, которому оно выдается; место (населенный пункт), в которое разрешена отлучка, ее срок, а также обязанность поднадзорного в течение суток после прибытия явиться в полицию и предъявить ей означенное свидетельство. Маршрут лица, которому разрешалась отлучка, также подлежал детальной регламентации. В нем точно и подробно описывался путь, по которому поднадзорный был обязан следовать.

Перед отправлением в путь, поднадзорный обязан был явиться к местной полиции, которая отмечала на проходном свидетельстве время отправки. По возвращении на поднадзорного также была возложена обязанность явиться в полицию, чтобы возратить проходное свидетельство и маршрут.

Поднадзорный мог быть возвращен до истечения срока отлучки в случае, если это будет признано необходимым лицами, ее разрешившими, либо в случае предосудительного поведения поднадзорного в месте отлучки.

Необходимо отметить, что в законе не содержалось указаний на сопровождение поднадзорных во время отлучек, что фактически давало ссыльным реальную возможность для побега.

Перемещения поднадзорных, перемена ими места жительства, отъезд из населенного пункта или прибытие в населенный пункт, отслеживались общей полицией. О каждом таком перемещении представитель общей полиции обязательно докладывал в губернское жандармское управление. Причем в случае разрешения отлучки за пределы губернии, Департамент полиции уведомлял губернатора, о чем губернатор давал знать представителю общей полиции, а ее представитель сообщал об этом в губернское жандармское управление (далее – ГЖУ). Впоследствии начальник ГЖУ уведомлял через Департамент полиции МВД полицейского представителя той местности, в

которую выехал поднадзорный. Например, Балаганский уездный исправник в письме начальнику Иркутского ГЖУ от 12 января 1905 г. сообщает, что «Иркутский Губернатор предписанием от 8 декабря с. г. за № 4558 дал знать, что Департамент Полиции телеграммой разрешил отлучку административно-ссылной Ольге Давыдовой в г. Асхабад к мужу. Давыдова выехала из г. Балаганска 13 сего января, о чем и сообщаю Вашему Высокоблагородию»*. 21 января 1905 г. из Иркутского ГЖУ в Департамент полиции сообщалось, что «состоящая под гласным надзором полиции административно-ссылная Ольга Апполонова Давыдова с разрешения Департамента полиции, 13 сего января выехала из г. Балаганска в гор. Асхабад ... к мужу»**. При этом в телеграмме указывались основания высылки поднадзорного в Сибирь. Обращает на себя внимание сложность процедуры принятия решения о разрешении отлучек поднадзорным. На указанном примере видно, что в данном случае в разрешении вопроса было задействовано четыре различных властных структуры разных уровней: общая полиция в лице уездного исправника, губернатор, жандармское ведомство и Департамент полиции МВД.

Правовым нормам, регулирующим отлучки административно-ссылных отводится в Положении 1882 г. значительное место, что говорит о повышенном внимании законодателя к данному вопросу. На практике же поднадзорные зачастую пренебрегали указанными запретами на отлучки. В подтверждение наших слов приведем представление Иркутского губернатора Иркутскому военному генерал-губернатору от 12 мая 1904 г. Губернатором указывалось следующее: «Политические ссылки, состоящие под гласным надзором полиции, стали заметно часто отлучаться пешком из мест, назначенных им для жительства, в соседние, ближайšie к ним деревни, к своим товарищам; или же, как были случаи, под разными предлогами прибывают в Иркутск и здесь остаются, отказываясь добровольно возвратиться в места своего жительства.

В первом случае, сельская власть, обнаружив отсутствие на месте политического ссылного, немедленно принимает меры

* ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 43. Л. 36.

** Там же. Л. 37.

к его розыскам, для чего пользуется обывательскими лошадьми.

Такие ссыльные, обнаруженные где-нибудь в соседней деревне у своих товарищей, за отказом возвратиться добровольно в место водворения, доставляются по назначению бесплатно, на обывательской подводе.

Во втором случае, самовольно прибывающие в Иркутск поднадзорные являются к уездной полиции и требуют отправить их в место жительства, отказываясь добровольно выехать из Иркутска. В этом случае также приходится отправлять их бесплатно на обывательской подводе.

Приняв во внимание, что по деревням Иркутской губернии расселены политические ссыльные в большом количестве и недалекие отлучки их весьма часты, нельзя не признать, что на местных крестьян ложится совершенно не предусмотренная законом повинность по преследованию и передвижению на подводах лиц административно-ссыльных, особенно тяжелая в настоящее время, когда средства населения обессилены призывом запасных нижних чинов, казаков и умалются еще более предстоящим призывом ратников ополчения первого разряда»*.

Нередко поднадзорные обращались к местной администрации с просьбами о переводе их в другой населенный пункт, объясняя это отсутствием возможностей к заработку, состоянием здоровья и рядом других причин. Местные власти в лице губернатора зачастую не обращали внимания на скопление в отдельных городах региона значительного числа политических ссыльных и разрешали перевод. Прочитируем обращение помощника начальника Иркутского ГЖУ в Киренском и Верхотурском уездах к начальнику ИГЖУ от 6 июня 1905 г., которое хорошо иллюстрирует подобную ситуацию: «В настоящее время в городе Киренске проживает 19 человек политических ссыльных; половина из них переведена из уезда в последнее время; переводы эти разрешаются губернской властью беспрепятственно, по первому заявлению просителей; выставляемые поднадзорными к переводу причины не заслуживают уважения, по большей части фиктивны. Имеются в виду новые аналогичные ходатайства.

* ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 218. К. 995. Л. 1 а.

Подобная концентрация в городе была бы нежелательна в виду возможности вредного влияния на многочисленный судорабочий пролетариат^{*}. Из указанного обращения можно заключить, что сосредоточение в одном населенном пункте значительного контингента политических ссыльных серьезно затрудняло достижение основной цели гласного полицейского надзора, которая заключалась в предупреждении политических преступлений. Причиной такому положению дел, на наш взгляд, отчасти было отсутствие единства в действиях местной полиции и губернских властей.

Центральное место в Положении 1882 г. занимали нормы, направленные на ограничение поднадзорных в выборе занятий. Целью данных актов было ограничение контактов «вредных для общественного спокойствия» лиц с сибирским населением.

Для административно-ссылных предусматривался ряд мер, запрещавших им занятия определенными видами деятельности. Так, поднадзорные не могли состоять на государственной или общественной службе, не могли быть учредителями, председателями и членами в частных обществах и компаниях, а также председателями и членами конкурсных правлений. Также поднадзорным запрещалось быть опекунами и попечителями, кроме как с разрешения на то министра внутренних дел. Кроме того, воспрещалась всякая педагогическая деятельность, принятие к себе учеников для обучения их искусствам и ремеслам, чтение публичных лекций, участие в публичных заседаниях ученых обществ, участие в публичных сценических представлениях, вообще всякого рода публичная деятельность, содержание типографий, литографий, фотографий и библиотек для чтения и служба при них, торговля книгами и всеми принадлежностями и произведениями тиснений, содержание трактирных и питейных заведений, а также торговля спиртным (ст. 21–24 Положения 1882 г.).

Однако статья 21 оговаривала, что поднадзорные допускались «к письменным занятиям в правительственных и общественных учреждениях по найму», но с тем условием, что в каждом отдельном случае «испрашивалось на то разрешение у Министра Внутренних Дел» [5, с. 86]. Так, например, полицейский урядник третьего участка Верхоленского уезда в ра-

^{*} ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 44. Л. 184.

порте начальнику Иркутского ГЖУ от 6 января 1905 г. указывает, что «административно-ссылный Боринский, с 23 ноября минувшего 1904 года и до 3 января 1905 года занимал должность письмоводителя у Господина Мирowego Судьи I участка Верхотурского уезда Клеймо и ездил с ним в разъезд также в качестве письмоводителя. Получал на почте и Волостном Правлении казенные пакеты по доверенности от Г. Судьи»*.

Помимо этого, поднадзорные не могли поступать в учебные заведения иначе, как с разрешения министра внутренних дел, выдаваемого по соглашению с учебным начальством. Ходатайствовать по судебным делам разрешалось только в тех случаях, когда они касались непосредственно поднадзорных, либо их родителей, жен или детей. Врачебная, акушерская или фармацевтическая практика разрешалась только с дозволения на то министра внутренних дел (ст. 25–27 Положения 1882 г.).

Остальные занятия, дозволенные законом, разрешались для поднадзорных, но в случае, если избранное занятие «служит средством осуществления его предосудительных замыслов или по местным условиям представляется опасным для общественного порядка и спокойствия», то и оно могло быть запрещено. Решение о запрете на такое занятие принималось губернатором [5, с. 86].

На местах за действием указанных запретов на занятие определенными видами деятельности наблюдали полицейские власти. Поднадзорные нередко пренебрегали данными запретами, в подтверждение чему можно привести пример мещанина Гогаевского, который в соответствии с донесением помощника начальника Иркутского ГЖУ в Иркутском, Балаганском и Нижнеудинском уездах начальнику Иркутского ГЖУ от 24 января 1905 г. «занимается обучением детей, которым дает уроки при своей квартире»**.

Хотелось бы также обратить внимание на ст. 27 Положения о полицейском надзоре, воспрещавшую врачебную, акушерскую и фармацевтическую практику, если нет на то особого разрешения министра внутренних дел. Административно-ссылная Пелагея Фокина обратилась в канцелярию иркутского военного генерал-губернатора с ходатайством о разрешении ей

* ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 43. Л. 23.

** Там же. Л. 56.

работать в качестве фельдшера в Александровской тюремной больнице, о чем канцелярия уведомляла начальника ИГЖУ 15 июня 1905 г., испрашивая при этом заключение последнего по поводу ходатайства Фокиной. В материалах дела указывалось, что Фокина была выслана в Восточную Сибирь под надзор полиции на 5 лет 6 августа 1902 г. за принадлежность к противоправительственному обществу. В ответе исправляющего должность начальника Иркутского ГЖУ от 30 июня 1905 г. сообщалось, что помимо указанного дела, Пелагея Фокина 28 ноября 1904 года привлекалась к дознанию по обвинению в преступлении, основанием для чего было следующее обстоятельство: «16 ноября 1904 года в Александровскую пересыльную тюрьму Фокиной принесена была шкатулка со съестными припасами, предназначенными для политических арестантов; в этой шкатулке обнаружено было два дна, между коими оказались два номера газет нелегального содержания: «Искра» № 74 и «Социал-демократ» № 1». Несмотря на то, что дознание о Фокиной было прекращено за недостаточностью улик, резолюция исправляющего должность начальника управления была следующей: «В виду вышеизложенного и принимая во внимание прежнюю судимость Фокиной, я полагаю бы, что предоставление ей места службы в Александровской тюремной больнице представляется нежелательным»*.

Из вышеизложенного можно заключить, что имели место случаи, когда занятие медицинской или иной деятельностью, вполне могли служить для осуществления преступных замыслов поднадзорных, что в данном случае и было пресечено чинами жандармского ведомства.

Ограничения на административно-ссылных по политическим мотивам были наложены и в части получения корреспонденции. Об этом говорилось в ст. 29 Положения о полицейском надзоре: «министру внутренних дел дозволяется в каждом отдельном случае воспрещать поднадзорному непосредственное получение сим последним его частной почтовой или телеграфной корреспонденции». Ст. 29 предусматривала и последствия такого запрета: «1) все письма и депеши, получаемые на имя такого лица, препровождаются почтовым или телеграфным ведомством на просмотр: в губернских городах – местному

* ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 44. Л. 182, 184.

начальнику жандармского управления, а в уездных – местному уездному исправнику, которые или передают их по принадлежности, или в случае предосудительного их содержания задерживают их, причем исправники всю задержанную ими корреспонденцию пересылают немедленно к начальнику жандармского управления; 2) поднадзорный всю предполагаемую им к отправке корреспонденцию представляет на просмотр тем же лицам, которые поступают с ней по правилам, изложенным в предшествующем пункте сей статьи, и 3) местным почтовым или телеграфным учреждениям сообщаются списки поднадзорных, коим воспрещено непосредственное получение корреспонденций, для исполнения со стороны сих учреждений вышеизложенных правил» [5, с. 86]*.

Таким образом, административно-ссылные свободно получали и отправляли почтовую и телеграфную корреспонденцию, если в каждом отдельном случае министром внутренних дел не налагался на это запрет. Досмотр как получаемой, так и отправляемой корреспонденции в жандармском управлении либо чинами общей полиции, являлся последствием такого запрета. Хорошо иллюстрирует действие данной нормы уведомление Департаментом полиции МВД Иркутского губернатора от 5 ноября 1882 г., в котором указывалось, что, согласно Положения о полицейском надзоре, дано разрешение на контроль за корреспонденцией следующих лиц:

- «1. Александра Александрова
2. Федора Воробьева
3. Сигизмунда Познанского
4. Софии Познанской, урожденной Пеховской
5. Станислава Рогальского
6. Ивана Совенко
7. Дмитрия Чуркина
8. Ореста Габеля
9. Сергея Жебунева
10. Ивана Шокина
11. Константина Тесленко-Приходько
12. Екатерины Пьянковой, урожденной Квятковской
13. Климентины Соковниной, урожденной Рохальской
14. Александра Штромберга

* ПСЗ. Собр. 3. Т. II. С. 86.

15. Якова Девятникова
16. Ефрема Пылаева
17. Федора Долинина
18. Павла Ивичевича
19. Петра Чехова
20. Христины Чеховой, урожденной Ивичевич
21. Алексея Назарова
22. Ивана Микитяка
23. Моисея Морголина
24. Николая Сажина
25. Генриха Юэта
26. Владислава Козловского*.

Существенной составляющей гласного полицейского надзора являлась возможность полиции в любое время входить в квартиру поднадзорного, а также производить обыск и выемки. Данное обстоятельство, на наш взгляд, является необходимым условием наблюдения за порядком отбывания административной высылки. Нередки случаи, когда в квартирах поднадзорных при обысках обнаруживалась литература революционного содержания. Так, например, при обыске у В. Брильянщиковой, состоящей под гласным надзором полиции в с. Кимильтей, была обнаружена рукопись, озаглавленная «Проект программы революционной работы в феврале». При этом на допросе Брильянщикова пояснила, что найденная рукопись была получена по почте**.

Однако имели место случаи, когда осуществление обязанностей общей полиции встречало серьезные затруднения. Так, например, по заявлению помощника начальника Иркутского ГЖУ в Киренском и Верхоленском уездах штаб-ротмистр Уланова, «фактическое выполнение надзора за политическими со стороны, так называемых, надзирателей сильно затрудняется в некоторых пунктах вследствие открытого нежелания подчиняться требованиям полиции; бывали случаи, когда надзиратели при контроле силою не допускались в помещения, подвергались частым оскорблениям»***.

* ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 275. Л. 159.

** Там же. Ф. 600. Оп. 1. Д. 9. Л. 1, 3.

*** Там же. Оп. ОЦ. Д. 3. Л. 34.

Другим примером взаимоотношений гласно-поднадзорных и местной полиции является превышение полномочий чинами последней. Привлекавшиеся к дознанию в 1904 г. политические ссыльные Иосиф Каплан и Зельда Канторович, проживающие в с. Коченгском Киренского уезда, совершили незаконную отлучку из места отбывания наказания. После их поимки они заявили, что причиной побега было нарушение их прав со стороны местных властей, о чем они сообщили губернатору, но по прошествии двух месяцев, ответа не получили. Поясняя сущность нарушений, Каплан и Канторович указали: «Наши письма вскрываются, посылки с платьем разрезают в куски, надзор становится невыносимо придирчивым и мелочным»*.

В Положении о полицейском надзоре были определены условия, смягчавшие наказание для лиц, высланных в административном порядке. Лица, находящиеся под надзором полиции, «заслуживающие своим поведением и образом жизни облегчения своего положения, могут быть, по представлениям местных губернаторов и с разрешения министра внутренних дел, освобождены от некоторых стеснительных для них мер надзора, а равно и от некоторых ограничений их прав по отношению к выбору ими занятий» [5, с. 86]. Также, местное губернское начальство могло ходатайствовать министру внутренних дел об отмене учрежденного над лицом полицейского надзора до истечения срока в тех случаях, «когда поднадзорный своим образом жизни и поведением представляет достаточное ручательство в своем исправлении»**.

Политические ссыльные, состоящие под гласным полицейским надзором в Иркутской губернии, могли быть освобождены от дальнейшего отбывания ссылки на основании решения императора, примером чему является сообщение Иркутского военного генерал-губернатора Иркутскому губернатору от 22 января 1905 г. за № 173, в котором значилось, что «на основании Высочайшего повеления, последовавшего в 29 день Декабря 1904 года по всеподданнейшему докладу Министра Юстиции поименованные в прилагаемом списке 26 лиц, водворенные под гласным надзором полиции в Иркутской губернии,

* ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 31. Л. 3.

** Там же.

подлежат освобождению от дальнейшего отбывания определенного им Высочайшими повелениями взысканий»*.

Как видим, нормы Положения 1882 г., казалось бы, детально регламентировавшие порядок отбывания административной ссылки, на практике зачастую не действовали. В Иркутской губернии административно-ссылные нарушали запреты на отлучки из мест водворения, занимали должности, напрямую связанные с публичной деятельностью, получали корреспонденцию революционного содержания. Среди основных факторов, негативно повлиявших на должное осуществление гласного полицейского надзора за политическими ссылными в Иркутской губернии в конце XIX – начале XX вв. можно выделить нехватку кадров, причем как общей, так и политической полиции, а также обширность территории, на которой водворялись поднадзорные. Наглядным подтверждением указанных обстоятельств служит письмо помощника начальника Иркутского ГЖУ в Иркутском, Балаганском и Нижнеудинском уездах начальнику Иркутского ГЖУ от 1 июня 1905 г.: «Доношу, что сообщенные мною сведения ... основаны на донесении унтер-офицера, получающего эти сведения негласным путем через расспросы, почему таковые сведения особенной точностью отличаться не могут; иметь же за каждым поднадзорным неотступное наблюдение, по крайне ограниченному числу в уездах жандармских унтер-офицеров, я не имею возможности»**.

Помимо этого необходимо указать, что обязанности по осуществлению гласного полицейского надзора были сосредоточены в разных ведомствах: общей полиции и Иркутского ГЖУ. При этом часть вопросов о поднадзорных разрешалась губернатором, министром внутренних дел и Департаментом полиции. Отсутствие единой системы контроля становилось причиной разобщенности в действиях, направленных на достижение единой цели, что также негативно сказывалось на осуществлении гласного надзора за политическими ссылными.

Хотелось бы обратить внимание еще и на тот факт, что со времени принятия Положения об охране государственного порядка и общественного спокойствия и Положения о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению админи-

* ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 43. Л. 90.

** Там же. Д. 44. Л. 79.

стративных властей, к началу XX века прошел значительный промежуток времени, в течение которого изменились многие аспекты социальной, экономической и политической жизни в Российской империи и в Сибири в частности. Ввиду вышеуказанного замечания, отдельные нормы законодательства, регулирующего механизм функционирования гласного полицейского надзора за политическими ссылными, нуждались в своевременной корректировке и доработке.

Список литературы и источников

1. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Том. III. 1870–1900 гг. / М.Н. Гернет. М., 1948. 376 с.
2. Иванов А.А. Историография политической ссылки в Сибирь второй половины XIX – начала XX века / А.А. Иванов. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2001. 276 с.
3. Марголис А.Д. Законодательство об административной политической ссылке в России в конце XIX века / А.Д. Марголис // Политические ссылки в Сибири (XVIII – начало XX вв.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1983. С. 50–61.
4. ПСЗ. Собр. 3. Т. I. № 350.
5. ПСЗ. Собр. 3. Т. II. № 730.
6. Токарева С.Н. Полицейский надзор в Российской империи / С.Н. Токарева // Вопросы истории. 2009. № 6. С. 94–104.

УДК 342

И.В. Упоров

Особенности ссылки как вида уголовного наказания в Российской империи на рубеже XVIII–XIX вв.

Аннотация. В статье дается характеристика института сибирской ссылки в относительно короткий период (1797–1806 гг.) с точки зрения правового регулирования и исполнения этого вида уголовного наказания. Отмечается, что с целью реализации колонизационной политики государство использовало принудительный труд ссылных преступников (наряду с другими группами переселенцев). Соответствующие организационно-правовые вопросы определялись в указах 1797, 1799, 1806 гг. Автор осуществляет их анализ, выявляет причины неудовлетворительного